

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-116-124

НЕСОКРЫТОСТЬ И ПРИРОДА ТВОРЕНИЯ. К СВЯЗИ ТЕХНИКИ И ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

А.С. Никулина

Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье рассматриваются важные понятия философии М. Хайдеггера — «произведение» и «творение» — в качестве различных способов взаимоотношения бытия и человека. Выявляется укorenность деятельности творения в «неметафизически» понимаемой природе — т.е. в подвижном характере бытия, принципиально отличного от понимания бытия в качестве эйдоса. Если природа понимается как «бытие вообще», как источник творчества и всякой связи (и связуемости), то «техническое» измерение само становится частью природного движения — открывается перспектива нового понимания техники в ее единстве с поэзией и мышлением.

Ключевые слова: истина бытия, творение, творчество, техника, природа, произведение

«Произведение» и «творение»

В ранний период своего творчества М. Хайдеггер часто говорит о «произведении» и «произведенности» как об особом типе «поставления» сущего, который характерен для метафизической мысли и который повлек за собой определенный характер отношения человека с самим собой и с историей, который в конечном итоге привел к торжеству нигилизма. Под «поставлением» Хайдеггер понимает особый характер сопринадлежности (отношения) бытия и человека в единящем и обособляющем их событии (Ereignis). Этот характер сопринадлежности задает тот тип конкретных связей на уровне сущего, которые преобладают в ту или иную эпоху.

На этом этапе Хайдеггер четко не отделяет деятельность произведения от деятельности творения. Так, мы читаем у него: «То, что делает производство, сотворение и сотворенную утварь возможной (сотворяемой, производимой) — это опять же вид того, что как сотворяемое должно становиться и быть» [1, 141]. Однако позднее он начинает разводить деятельность творчества и производства, и это разграничение, как мы покажем далее, связано с поиском изначального смысла греческого понятия φύσις. Метафора «произведения» связывается им преимущественно с метафизической традицией — произведение становится той формой, которая определяет собой всю западную философию и культуру, включая его собственную мысль. «Творению» же отводится особое, неметафизическое место в области искусства. И творение, и искусство перетолковываются мыслителем в свете «несокрытости» — истины бытия. Хайдеггер утверждает (см. [2]), что именно искус-

ство — как художественное творчество — оказывается местом явления истины бытия, несокрытости. При этом оно не просто выявляет эту истину как данность — в художественном творении истина совершается, оно подвижно в себе, поскольку несокрытость как таковая представляет собой не голую открытость, но непрекращающийся *спор* двух фундаментальных начал внутри самой истины бытия, которые немецкий мыслитель называет «землей» и «миром». Земля — это начало скрывающе-непроницаемое, не позволяющее несокрытости утратить свой аспект сокрытости, тайны; мир же — начало раскрывающе-ясное, позволяющее сущему так или иначе являться.

В отличие от изделия (порождаемого в деятельности произведения), для которого характерна изготовленность, творение характеризуется сотворенностью. Эти два модуса «поставления» сущего принципиально различны: готовое изделие *замыкается* в своей функциональности, существуя в качестве «подручной» и «наличной» вещи, ее отношения с прочими вещами ограничены изначальным «поставляющим» отношением, готовые вещи не выходят за пределы сущего и уже предзаданной сущности.

В то же время созданность художественного творения не отсылает ни к его функциональности (подручности), ни к способу его данности в качестве вещи (наличности); она как раз и состоит в свершении истины бытия — и свершается она не столько художником, сколько самим бытием через художника. В ходе раскрытия истины бытия создается некоторый мир, самораскрытие которого ограничивается противостоящей миру силой скрывающей «земли». Восходя к бытийному «спору начал» — земли и мира — творение не есть выведение на свет, «проявление» чего-то существующего (ведь спор как раз и ведется о бытии сущего, о том, что есть сущее как таковое!), как бы создание «образа», «отражения» уже наличного мира. Оно не есть подражание чему-либо из сущего, но в нем это сущее в целом (как бытие) впервые и заново открывается взору смотрящего.

Творение является не артефактом сегодняшнего, ушедшего или будущего мира, но *событием* (Ereignis, понимаемым как особление, самопорождение: о смысле Ereignis см. у В.В. Биbihина [2]), в котором этот мир свершается, становится самим собой. Подчеркивая событийный характер творения, Хайдеггер пишет, что «созанность [творения] <...> создавалась в самом создавании» [3] именно этим творение и отличается от ремесленного изделия. «Создание созанности» — это выражение подчеркивает исходную свободу, безосновность творения, которая и утверждает его бытийно-истинностный характер, его, с одной стороны, внесубъективность (необусловленность волей субъекта) и внеобъективность (независимость от внешней для субъекта, фактической причинности).

Иными словами, в творении проявляется не только «то, что есть» в раскрываемом мире, но и — в качестве фона, контрапункта, противостоящего начала — то, чего в этом мире *нет*.

Конкретный мир, который раскрывается и совершается в творении, в тот же самый миг проблематизируется, лишается устойчивости. Творение не просто «вводит» человека в тот или иной мир, как если бы он был непротиворечивой

и обозримой наличной данностью, но помещает его в само существо *различия*, различения и спора между миром и тем, что скрывает, утаивает его. В творении мы находим не явление (из небытия) невиданной прежде целостности мира, но движение, преобразование самой несокрытости, истины бытия, в форме парадоксальной раскрывающей проблематизации мира. Существо несокрытости — в ее неисчерпаемой новизне, плодотворной и невыводимой из временности, необусловленной временем. Поэтому в творении на свет выходит как раз новизна, инаковость знакомого сущего, «и в этой открытости все является новым, необычным» [3]. Эта новизна и необычность не противостоит — как плод субъективной фантазии — реальности вещного мира; напротив, согласно Хайдеггеру, мера бытия (реальности), да и самой вещности, задается как раз таким «наброском несокрытости сущего», который находит себе место внутри творения. Поэтому «все, что было прежде, опровергается творением в своих притязаниях на исключительную действительность» [3].

Бывшее, прошлое — это именно тот модус времени, который ответственен со времен Платона и Аристотеля за представление об устойчивости сущности вещи. Хайдеггер, как известно, делает предпочтительным модусом времени будущее — бытие сущего определяется не в направлении данности (как уже было), а в направлении возможности (как может быть).

Отсюда ясно, что различие между изготовленностью и созданностью состоит в том, что изготовленность принадлежит конкретному миру, замкнута в нем и не выходит за его пределы. Изготовленная вещь полностью «внутримирна». Так, согласно Хайдеггеру, мир европейского человека с античных времен преимущественно ограничен таким отношением бытия и человека, в котором бытие предстает в виде *идеи (эйдоса)*. Этому способствовала философия Платона, в которой бытие как раз и стало мыслиться как *идея*, «вид чего-то, в качестве чего нечто дает себя и делает» [4, 116]. Идея стала оплотом устойчивости и единства сущего. Вещи, соответственно, стали выражать эту основную направленность метафизики, предстывая в качестве «произведенных» — не просто созданных по некоторому образцу, но и отчужденных от производящего их начала, находящихся напротив него: «Истинно сущее — в таком случае — есть всегда то, что напротив, стоящий в виду вид» [4, 125]. Поэтому вещи «метафизического мира» в мысли Хайдеггера изначально — как произведенные (и поскольку бытие понимается как идея) — стоят в особом отношении к человеку: производящий субъект отделен от производимого им предмета, и даже если он «производит сам себя», это никак не меняет самого исходного отношения, а поэтому такое произведение «самого себя» предполагает внутри субъекта кардинальный раскол, особую форму самоотчуждения. С другой стороны, художественное творение — и творение вообще — устраняет этот отчуждающий зазор, релятивизирует различие, превращая его в становящееся различие; оно непосредственно соприкасается с источником бытия, с изначальноной бесосновной свободой несокрытости, которую в поздний период творчества Хайдеггер начинает тесно связывать с «изначальным» (неметафизическим) греческим пониманием *φύσις*, «природы».

Творение и φύσις

Об этом понятии он подробно говорит в известной работе («О существе и понятии φύσις»), где им рассматривается φύσις в мысли Аристотеля — в его трактате «Физика». Хайдеггер указывает, что это понятие употребляется Аристотелем в двух смыслах: а именно, φύσις есть как отдельный род бытия (этому смыслу соответствует современное представление о «природе» в отличие от истории, духа или культуры), так и само бытие *как таковое* (этому смыслу соответствует значение слова «природа» в словосочетании «природа человека»).

Аристотель противопоставляет φύσις (в качестве рода бытия) другой род бытия — τέχνη, «искусство» в широком смысле этого слова. Понимание φύσις как бытия в целом является, согласно Хайдеггеру, более изначальным. Хотя оно и отражается в аристотелевском представлении о φύσις как роде сущего, но все же утрачивает часть своего богатства и полноты.

Основная черта природы в обоих смыслах слова (в узком и широком) — ее характер подвижности, которая соединяет в себе движение с покоем, и является, таким образом, самоподвижностью. Φύσις — это начало (архэ) такой подвижности и в то же время форма ее формы (μορφή). Смысл понятия μορφή Хайдеггер также возводит к *подвижности*. Он переводит это греческое слово как «представление в вид»: «...μορφή не есть некое на материи наличествующее, сущее свойство, но она есть некий способ бытия: во-вторых, представление в вид [есть] как подвижность, κίνησις, а этот „момент“ начисто отсутствует в понятии формы» [5]. Природа как бытие в целом, как самоподвижность, отличающая бытие, есть «сокрывающее раскрытие» [5]. Таким же образом понимается Хайдеггером и истина бытия, через метафору «раскрытия»: поэтому в изначальном, «дометафизическом» смысле природа, истина, бытие и событие практически *неотличимы* друг от друга.

Вернемся снова к проблеме творения. Художественное творение Хайдеггер понимает как свершение истины бытия. Если же иметь в виду его возвращение к изначальному смыслу φύσις, то творение перестает противопоставляться *не только* изготовленным вещам (последние в этом случае будут лишь специфическим, обусловленным «поставом» как соотношением бытия и человека, искажением исконно-природного), но и природе в *узком* смысле слова — той области бытия, которая традиционно в Новое время определяется через соотнесение с культурой. *Любая* форма явления, свершения истины бытия тогда становится «природной» в широком, по Хайдеггеру, изначальном смысле слова — в смысле бытия вообще как самоподвижного, самосозидающего (но не производящего!) начала. Творчество человека теряет привилегированное положение, перестает по своей сути отличаться от биологических (т.е. природных в узком смысле) процессов и вообще от биологического и космического образования форм. Однако тем самым творчество человека не «низводится» до биологического (в узко-научном смысле) процесса; и биологический процесс не «возвышается» до духовного делания, скорее, и сущность биологического, и сущность культурно-технического обретают общий исток и начало во *всеобщей* «природе», в природе бытия. При этом, конечно, чело-

веческое творчество перестает сводиться также и к *τέχνη*, поскольку в свете изначального смысла слова «природа» само *различие* природы и искусства исчезает.

Стоит отметить, что сближение природы и искусства характерно не только для Хайдеггера. Их тесно сближает между собой как раз Платон, к которому у Хайдеггера находится немало претензий.

А.Ф. Лосев, говоря об искусстве у Платона, пишет, что природа и искусство у последнего в определенном смысле оказываются тождественны, однако при этом «...художественное творчество ровно ничем не отличается от творчества материальных вещей и любых жизненных ценностей. Поэтому если мы скажем, что у Платона искусство есть прежде всего то или иное ремесло, то мы совершенно не ошибемся» [6]. Ремесло же, как и само существо природы, понимается Платоном через призму эйдоса: «...хотя искусство и природа есть одно и то же, тем не менее природу он понимает идеально, понимает ее как мировую душу и мировой ум» [6]. Творчество природы у Платона, таким образом, подвижимо стремлением к эйдосу как к бытию вида, формы. В то же время для Хайдеггера природа в таком понимании (заложенном в античности) как раз наименее «природна» и знаменует собой «забвение бытия». Ведь, как подчеркивает Х.-Г. Гадамер, определенность сущего в эйдосе у Платона «опережает любую постановку вопроса о смысле бытия и препятствует ей» [7, 97]. «Природно» для Хайдеггера в изначальном смысле то, что прямо и непосредственно выражает существо бытия, его истину, что ближе всего стоит к истоку бытия в его подвижности, безосновности, новизне, которая выражается в форме самопорождения, «себя-от-себя-к себе-произведения» [5].

Самопорождение отличается от «метафизической» деятельности произведения тем, что включает в себя также и свое «отставление», которое более широко можно трактовать как собственное отсутствие, отсутствие себя как определенной формы. Кроме того, в деятельности изначальное-природное творения отсутствует тот радикальный *разрыв* внутри бытия, который во всей полноте, согласно Хайдеггеру, присутствует в философии Гегеля. Негативность у последнего приобретает форму полного умаления, даже уничтожения бытия — бытие становится самым неопределенным и пустым (относительно полноты и конкретности идеи); оно сначала отождествляется с ничто, а затем выводится из него (как действительность) в деятельности мышления, при этом «...различаемость абсолютного „Я мыслю“ и его достоверности есть само собой разумеющееся основание возможности негации...» [8, 58].

На месте метафизического «разрыва», этой метафоры сознания, Хайдеггер помещает существо бытия, «просветляющую средину» [3], в которой соединяется *различие* (дающее возможность раскрыться сущему) и *неразличимость* (сохраняющая тайну и сокрытость). *Φύσις* в изначальном смысле, значит, предполагает собственное отсутствие. Однако в ней отсутствие не отождествляется с присутствием в смысле «совпадения» (в том смысле, в каком у Гегеля бытие тождественно с ничто), скорее, они «со-принадлежат» друг другу. Иными словами, *φύσις* присутствует не в качестве идеи, но в качестве подвижной изменчивости форм,

где она и являет себя. В свете так понятой природы не только творение теряет свой характер завершенной вещи, утрачивает предметность и становится свершением истины, но и физико-биологические процессы — если понимать их из бытия (хайдеггеровского «бытия как бытия», *Sein*) — перестают восприниматься в качестве «произведенных» некой внешней силой — а значит, перестают подчиняться безвременным законам, но сами из себя порождают — и уничтожают — эти законы.

В этом отношении мысль Хайдеггера не только не противостоит научному видению мира, но и ухватывает основные тенденции в философии науки второй половины XX века, которые остаются влиятельными до сих пор. Так, знаменитый социолог Э. Морен в своем труде «Метод» много размышляет о смысле научного понятия природы (*physis*) и о том, какие преобразования оно претерпевает в современной ему парадигме науки. *Physis* в его понимании — это парадоксальное единство порядка и беспорядка, которые порождают друг друга и переходят друг в друга. Как подчеркивает Морен, «порядок и беспорядок не являются абсолютными, субстанциональными понятиями. Оба они рождаются вместе и, несомненно, укоренены непостижимым образом в Пред-начале» [9, 111].

Таким образом, отношения между порядком и беспорядком в природе, как и отношения внутри онтологических структур у Хайдеггера, не являются определяемыми ни со стороны порядка, ни со стороны беспорядка — скорее, речь идет о взаимопределинии (ср. у Хайдеггера: «взаимосопринадлежность»), которое порождает единство природы. Эти два аспекта природы, согласно Морену, находятся между собой в многообразных связях — они едины, дополнительные, конкурируют друг с другом и в то же время антагонистичны. Так же и у немецкого мыслителя речь постоянно заходит то о «споре», разгорающемся в бытии, то о «слаженности», то о «принадлежности». Поэтому Вселенная — уже не «часовой механизм», управляемый вечными законами, какой она представлялась в Новое время; ее существо меняется, она становится событийной. Само ее рождение является стихийным и уникальным событием: «Вселенная, которая рождается сейчас, является сингулярной по самому своему общему характеру; <...> эта рождающаяся вселенная рождается в Событии и порождается в каскаде событий» [9, 117—118].

Однако событийность понимается Мореном несколько иначе, чем Хайдеггером. Событие всегда есть нечто неожиданное, но источник этой неожиданности — не свободная истина бытия, а *случайность*, непредсказуемые хаотические взаимодействия во Вселенной, которые способны превращать беспорядок в порядок, но сами по себе не обладают особым статусом.

Также мысль Хайдеггера с теорией сложности сближает и представление о необходимости циклического (рекурсивного) движения между наблюдателем и наблюдаемым, целым и частью. У Хайдеггера такой «круг мысли» знаменует собой неизбежное движение от понимания к истолковывающей речи (т. е. герменевтической) и от нее обратно — к новому пониманию, в то время как Э. Морен считает такой круг источником «сложного мышления» [9, 45].

Важно, что природно-бытийное самопорождение, которое составляет существо творчества, ни в коей мере не может пониматься как «самостоятельное тво-

рение себя» — если говорить о таком творении применительно к сущности человека. Против такой трактовки Хайдеггер возражает. В интервью 1969 г. он говорит, отвечая на вопрос корреспондента о возможных пересечениях его мысли с философией Сартра: «Порой Сартр интерпретировал мою мысль в марксистском духе. Человек есть собственная возможность, но он не может сам себя „творить“» [10]. Вообще говоря, творение у Хайдеггера всегда является «со-творением», «со-порождением», причем приставка «со» указывает одновременно и на сферу *соотнесенности*, различения и спора внутри события творения, и на саму *самость*, сущность события, которая и состоит как раз в этой соотнесенности.

Творение и техника

Деятельность творения не просто устанавливает связь между разрозненными частями целого, собирая его, но впервые делает возможной связуемость, через которую открывается мир и бытие, сама возможность быть. Эта связуемость — на уровне сознания и понимания — проявляется как *символ*, задающий символический характер речи. Неоднократно Хайдеггер указывает на связь проблемы символа с трансценденцией (как условием связуемости) [11]. Символ лежит у истоков любого единства и различия и является основой логоса — а значит, и самого языка, в котором и через который символы создаются и преобразуются. Творение символов, раскрытие истины бытия Хайдеггер делает достоянием поэтов и мыслителей. Однако здесь возникает вопрос: если собственно символ, как выражение момента связуемости, делает возможным слово и речь, то только ли с помощью языка, ограниченного конкретным способом выражения (как то поэтическим или философским), могут твориться новые символы? Ведь символ пронизывает собой всю сферу логоса, логически-языкового.

Представление о том, что творение языка совершается только внутри поэзии и мысли, изолирует поэзию от других форм речи, приводя к ее ложной сакрализации. Однако это как раз и лишает художественное творение той необходимой открытости бытию, которая позволяет творению оставаться собой — раскрывать мир *в целом*, а не изолированный «мирок». Несмотря на то, что в поздние годы Хайдеггер делает поэзию своеобразной «дверью» в «дом бытия», а современный ему этап истории считает этапом торжества технического прогресса, знаменующего собой забвение бытия, связь между поэзией, а значит — творением как таковым, и техникой в его мысли не обрывается, а проблематизируется. Ведь само забвение бытия есть отношение внутри бытия: «забывший» бытие человек все еще, как и всегда, принадлежит бытию. Точно так же и другое начало мысли принадлежит первому началу, не будучи ему противопоставленным, но вырастая из него [4, 98]. Поэтому различие поэтического и технического несводимо к различию между «творением» и «произведением»: возможно, подойти к осмыслению существа техники позволит как раз попытка увидеть ее единство с поэзией: ведь это разноречивые формы единого бытия — настолько различные, что они соприкасаются лишь в точке взаимного спора и взаимоотношения, которая всегда еще только выясняется.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
- [2] Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 114—129.
- [3] Хайдеггер М. Исток художественного творения // М. Хайдеггер. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2005. С. 77—229.
- [4] Хайдеггер М. Поддачи / Пер. с нем. Э. Саркисяна // Гермения. 2013. № 1 (5). С. 84—128.
- [5] Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις // Т.В. Васильева. Семь встреч с М. Хайдеггером. М.: Издатель Савин С.А., 2004. С. 119—184.
- [6] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 3: Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 383 с.
- [7] Гадамер Х.-Г. Платон // Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / Пер. с нем. А.В. Лаврухина. Минск: ПроPILEI, 2007. С. 94—108.
- [8] Хайдеггер М. Гегель / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2015. 320 с.
- [9] Морен Э. Метод. Природа природы / Пер. с фр. Е.Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
- [10] Интервью М. Хайдеггера в журнале «Экспресс» // Логос. 1991. № 1.
- [11] Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / Пер. с нем. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013. 591 с.

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-116-124

UNCONCEALMENT AND THE NATURE OF CREATION. ON THE RELATION BETWEEN TECHNOLOGY AND NATURE IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

A.S. Nikulina

Saint-Petersburg State University
199034 Russia, St. Petersburg, Mendeleyevskaya line, 5

Abstract. The article elaborates on two significant notions of Heidegger's philosophy — “production” and “creation” — representing different ways in which being and Dasein relate to each other. We show that the process of creation is rooted in a “non-metaphysically” understood concept of nature, that is, in the kinetic character of being, which is essentially different from the understanding of being as *eidos*. If nature is seen as “being as such”, as the source of any creation and any relation (and the possibility of relation), then “technical” dimension becomes a part of natural process, opening a prospect of a new understanding of technology in communion with poetry and thought.

Key words: truth of being, creation, creativity, technology, nature, production

REFERENCES

- [1] Heidegger M. *The Basic Problems of Phenomenology*. Transl. from German by A.G. Chernyakov. Saint-Petersburg: Vysshaya religiozno-filosopskaya shkol; 2001. 446 p. (In Russ).
- [2] Bibikhin VV. Heidegger: from “Being and Time” to “Beiträge”. *Voprosy filosofii*. 2005; (4):114—129. (In Russ).

- [3] Heidegger M. *The Origin of the Work of Art*. M. Heidegger. The Origin of the Work of Art. Various selected works. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2005. p. 77—229. (In Russ).
- [4] Heidegger M. The Interplay. Transl. from German by E. Sarkisyan. *Hermeneia*. 2013; (1(5)): 84—128. (In Russ).
- [5] Heidegger M. *On the essence and concept of φύσις*. TV Vasilyeva. Seven meetings with M. Heidegger. Moscow: Izdatel Savin S.A.; 2004. p. 119 —184. (In Russ).
- [6] Losev AF. *The History of Classical Aesthetics*. V. 3: The High Classical Period. Moscow: Iskusstvo; 1974. 383 p. (In Russ).
- [7] Hadamer H.-G. *Plato*. H.-G. Hadamaer. Heidegger's Ways. Transl. from German by AV Lavrukhin. Minsk: Propilei; 2007. p. 94—108. (In Russ).
- [8] Heidegger M. *Hegel*. Transl. from German by AP Shurbelev. Saint-Petersburg: Vladimir Dal; 2015. 320 p. (In Russ).
- [9] Morin E. *Method. The Nature of Nature*. Transl. from French by EN Knyazeva. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 464 p. (In Russ).
- [10] M. Heidegger's Interview in the Magazine "L'Express". Transl. from German by NS Plotnikov. *Logos*. 1991;(1):47—58. (In Russ).
- [11] Heidegger M. *The Fundamental Concepts of Metaphysics*. Transl. from German by VV Bibikhin, AV Akhutin, AP Shurbelev. Saint-Petersburg: Vladimir Dal; 2013. 591 p. (In Russ).

Для цитирования:

Никулина А.С. Несокрытость и природа творения. К связи техники и природы в философии М. Хайдеггера // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2018. Т. 22. № 1. С. 116—124. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-116-124.

For citation:

Nikulina A.S. Unconcealment and the Nature of Creation. On The Relation between Technology and Nature in Heidegger's Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22(1): 116—124. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-116-124.

Сведения об авторе:

Никулина Александра Сергеевна — аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (*e-mail*: eleanorgutman@gmail.com).